

Пётр Немировский

ДУША ПТИЦЫ

Пётр Немировский

ДУША
ПТИЦЫ

Бостон • 2024 • Чикаго

ПЁТР НЕМИРОВСКИЙ Душа птицы. *Повесть*
PETR NEMIROVSKIY Soul of a Bird. *Novel*

Copyright © 2024 by Petr Nemirovskiy

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1960533-24-1

Published by M•Graphics | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com
✉ mgraphics.books@gmail.com

In cooperation with Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com
✉ printbookru@gmail.com

Proofreading by Julia Grushko
Book design by Yuliya Timoshenko © 2024
Cover design by Larisa Studinskaya © 2024

Printed in the United States of America

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Судьбоносная акула	9
«Жёлтые халаты»	15
Мой отец	18
Бывший капитан доктор Мерси	23
«Кии-ии-арр!»	25

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Предложение работы	35
Кадиш	37
«Что-то совсем другое»	44
Ведьма	46

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Новый Нострадамус	55
Ревность	58
Удар	64

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Армагеддон приближается	73
«Люблю ли я его?»	76
Пару слов о героях	82
Похищение сабинянки	90
Как птица в клетке	95
Святая Мария Магдалина	97
«Мой милый Бен»	101

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

«Купи себе пистолет»	107
Как древний маг	111
Бред	116
Незванный гость	127

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Весёлый ветеран	139
Далёкий голос	146
Плоть от плоти	149
Дела сердечные	155
Конец романа	160
Эпилог	163

Часть первая

Судьбоносная акула

Взяв спиннинг и сумку, я вышел из своего однокомнатного кооператива, находившегося в районе Бруклина Марин-Парк, я купил этот кооп полгода назад. Уже было светло, солнце взошло, освещая и голубое небо в нежных тонких облаках, и деревья возле нашего дома, и дикого белого голубя, который с недавних пор облюбовал себе здесь место. С шумным хлопанием крыльев птица неожиданно спустилась на зелёный газон неподалёку от меня. Замерев, голубь устремил на меня взгляд своих круглых, с оранжевым ободком, глаз, воркуя «гр-гр-ю...».

«Как дела, приятель?» — поприветствовал я его, пожалев, что у меня нет при себе крекеров, чтобы угостить птицу. Сорвавшись с места, голубь улетел куда-то, а я пошёл к берегу. Дом, где я живу, находился неподалёку от так называемого солт-марша — небольшого океанского залива. (Таких заливов немало по всей прибрежной полосе Нью-Йорка. Они находятся под защитой городских властей, чтобы сохранить экологию в акватории. — *Прим. авт.*)

Забросив спиннинг, я стоял на берегу на больших камнях. Было тихо, лёгкий ветерок гнал мелкую волну.

Неподалёку от меня стоял мужчина лет пятьдесят пять, среднего роста и хорошего телосложения. Он не был красавцем, но имел приятную наружность, не лишён обаяния. Короткие волнистые волосы, зачёсанные назад, обрам-

ляли его овальное лицо. При внимательном рассмотрении обращали на себя внимание его умные, пронизательные глаза; на губах играла добродушно-насмешливая улыбка.

Он тоже забрасывал свой спиннинг. Прищурившись, смотрел куда-то вдаль, где сюда, в залив, с океана заплывали катера и где вдали были слабо видны очертания моста. Я уже видел этого мужчину здесь несколько раз. Порой мы обменивались с ним «сугубо рыбацкими» замечаниями и наблюдениями — о клёве и наживке, но до сих пор в наших коротких беседах мы не спросили даже про то, как друг друга зовут, не поинтересовались, кто чем занимается и где живёт. Поскольку мужчина не имел при себе ни большой сумки с ворохом вещей, ни рыбацкого чемодана, а лишь небольшую пластмассовую коробку с рыбацкими снастями, я пришёл к выводу, что он, так же, как и я, живёт где-то неподалёку. Судя по той манере, как он ловил, не проявляя «дикой страсти», я заключил, что он, так же, как и я, не заядлый рыбак, а приходит на берег отдохнуть на природе и побыть какое-то время наедине с собой.

Я наблюдал, как он отрезал ножом куски селёдки, цеплял наживку на крючок и, размахнувшись, резким точным движением забрасывал. Во время одного из таких забросов жадная чайка, пролетавшая рядом, ринулась к летящей в воздухе над водой наживке и — надо же! — ухватила клювом кусок рыбы на крючке. И попыталась с ним улететь! Мужчина потянул удилице на себя, но чайка не сдавалась! Эта необычная борьба за кусок рыбы — между рыбаком и чайкой — продолжалась недолго. Чайка уступила: выпустила рыбу из клюва и, издав несколько возмущённых криков, улетела.

Она полетела туда, где вода буквально кипела — подошла стая хищного луфаря; проголодавшись за ночь,

луфары обнаружили здесь, в тихой заводи, обильную поживу. И теперь серебристые большие рыбины то и дело выныривали из воды, и вместе с ними салютом в разные стороны разлетались мелкие рыбёшки. Сверху на выпрыгивающую мелочь падали прожорливые чайки.

— Красота-то какая, — промолвил мужчина, приложив к лицу козырьком ладонь, чтобы лучи солнца не слепили глаза. — Луфарь особенно активен на солт-марше в конце лета — начале осени, сейчас как раз его время.

— Такая великолепная картина, что дух захватывает, — согласился я.

— Оп! Оп! — вскрикнув, мужчина потянул на себя спиннинг и стал крутить катушку.

— Наверное, луфарь, — предположил я.

— Да, похоже, что так.

Действительно, вскоре мужчина, прижав к камню серебристого луфаря, вытаскивал из его пасти крючок.

— Давай, бэби, давай, мой хороший, открой свой fucking rot, — просил он рыбу.

Затем точным ударом он оглушил рыбу камнем по голове, достал раскладной нож и начал её чистить. Он счищал ножом её чешую — очень аккуратно, я бы сказал, заботливо, по несколько раз подчищая возле плавников и жабр. Потом распорол рыбе брюхо и так же тщательно стал вынимать кишки.

Я смотрел на него, сосредоточенного, с окровавленным ножом в руке, смотрел на распотрошённую, идеально вычищенную рыбу на большом гладком камне и не удержался от комментария:

— Вы будто бы сейчас делаете этой рыбе хирургическую операцию.

— Ты прав, удаляю ей жёлчный пузырь и пересаживаю печень.

— Вы врач?

— Да, хирург. Также занимаю должность директора отделения «скорой помощи» в госпитале.

— Здорово.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Бен. А вас?

— Майкл. Майкл Харрис. Легко запомнить.

— Рад познакомиться, доктор Харрис.

— Можешь называть меня просто Майкл. Впрочем, как тебе удобно.

И мы наконец разговорились.

— Вы живёте неподалёку отсюда? — спросил я.

— Да, на Стюарт-стрит.

— Значит, мы соседи. А я живу на Филмор.

— Чем ты занимаешься, Бен?

— Работаю в небольшой амбулаторной клинике с психически больными пациентами, включая наркоманов и алкоголиков.

— Получается, мы с тобой в некотором роде коллеги.

Ты психиатр?

— Не совсем. Психотерапевт.

— Тебе нравится твоя работа?

— В общем, да. Мне нравится работать с пациентами.

Правда, зарплата у меня там скромная, и бенефиты слабые.

— Понятно. Ты женат?

— Разведён, слава богу.

— Одним словом, наслаждаешься жизнью холостяка, да?

— Да... А-а!!!

Прут спиннинга в моих руках резко изогнулся. Я потянул спиннинг на себя и тут же почувствовал, что на крючок зацепилась сильная рыба.

— Вау! Похоже, что-то серьёзное. Шутки в сторону, — доктор Харрис бросил вопросительный взгляд на изогнутый спиннинг в моих руках.

Я крутил катушку, рыба под водой уводила то далеко влево, то вправо. Я знал, что на такой большой крючок могла зацепиться только крупная рыба. Рыба не сдавалась: она то подплывала вперёд, к берегу, тогда леска ослабевала, и, казалось, что на крючке уже никого нет. Но стоило мне несколько раз крутануть ручку катушки, как леска снова натягивалась, спиннинг круто изгибался, и рыба, немного отдохнув, продолжала бой.

— А-а!!! — орал я, изнемогая от напряжения.

По моему лицу вдруг градом полился пот. Я не предполагал, что в одно мгновение от сильного напряжения можно вот так взмокнуть. Я чувствовал, что и моя футболка, и даже трусы — всё стало мокрым от пота.

— Fuck! Fuck! — я продолжал крутить катушку, уже не веря, что смогу вытащить рыбу на берег.

— Вот это акула! — воскликнул доктор Харрис, когда, тяжело дыша, я наконец вытащил на берег огромную песчаную акулу.

Она прыгала на камнях, разинув пасть, и алая кровь в том месте, где её проткнул крючок, разливалась по её телу. Я крепко прижал акулу мордой к камню. Мне хотелось её убить, так сильно я ненавидел её в эту минуту. Но в то же время мне хотелось и расцеловать её окровавленную пасть, — до того сильно я любил её.

По моему лицу всё ещё катился пот. Акула же сильно била хвостом, вся изгибалась, пытаясь вырваться.

— Давай помогу тебе.

Подойдя, доктор Харрис схватил акулу за туловище, чтобы она не так выкручивалась, и я смог вытащить крючок из её пасти. Наконец, сжимая её за жабры, я подо-

шёл к воде и, размахнувшись, вышвырнул акулу обратно в воду.

— Плыви, бэби, ты свободна.

— Отличная работа, — похвалил доктор Харрис. Он пристально посмотрел на меня, будто оценивая мои силы и способности. — Послушай, Бен, ты бы не хотел работать в нашем госпитале? Я бы с удовольствием взял тебя к себе в «скорую».

— Расскажите в двух словах, что это за работа?

— Окей, если коротко: у нас в «скорой» есть специальная зона, куда помещают психозных, суицидных и хомицидных пациентов, наркоманов и алкоголиков, короче, «ку-ку», лунатиков. Мне туда срочно нужен специалист, имеющий опыт работы с этой публикой. Как ты понимаешь, там скучно не бывает. Но мне кажется, тебе это место придётся по душе. Плюс госпитальные бенефиты: страховки, ежегодное повышение зарплаты, праздничные и больничные — всё это у тебя будет. Подумай. Запиши номер моего мобильного и позвони мне, когда примешь решение.

— Я даю вам ответ прямо сейчас: согласен.

«Жёлтые халаты»

Прошло несколько месяцев с того дня, как я начал работать в отделении «скорой помощи» госпиталя, директором которого был доктор Харрис. Это был небольшой частный госпиталь, находившийся в даунтауне Бруклина. Я работал там в дневные смены, но, если было нужно, оставался и по вечерам. Ездил туда на машине, дорога от дома занимала минут сорок.

Как и говорил доктор Харрис, внутри этого отделения была выделена специальная секция для «ку-ку»-пациентов. Некоторые из этих пациентов приходили в ER сами, других привозили машины «скорой» или полиция. Некоторые были в наручниках и цепях на ногах. Некоторые, доставленные сюда машинами «скорой», были настолько пьяны, что не могли стоять на ногах, — как правило, их подбирали на улице по звонку прохожих. Буйным психозным делали уколы и привязывали ремнями к кроватям. Постоянно привозили наркоманов в передозах. Привозили и суицидных. Здесь часто возникали драки между пациентами, а иногда они нападали на медперсонал.

Все пациенты этого отделения были переодеты в госпитальные халаты жёлтого цвета. Пациенты, конечно, не знали, что для нас, работников «скорой», жёлтый халат (в отличие от голубого или красного в других отделениях) служил сигналом к повышенной бдительности. Наряд поли-

ции и специальные санитары-надсмотрщики постоянно находились в этом отсеке, любое резкое движение «жёлтого халата» или его самовольное перемещение тут же привлекало к себе внимание персонала. Этих пациентов здесь так и называли — «жёлтые халаты». А ещё их здесь называли «дебилами». Иногда в разговоре медсестёр или санитаров проскакивало: «Куда кладём N.? К дебилам?» или «В отделении для дебилов осталась последняя свободная кровать».

У высокой стойки в центре этого крыла стоял Стивен — огромный чернокожий, выполнявший роль санитар-надсмотрщика. Глядя на Стива, я всегда удивлялся тому, что природа создала такого гиганта. Если какой-то из пациентов находился «на грани» и вот-вот мог потерять контроль над собой, к нему подходил Стивен, спокойным, твёрдым голосом предлагал ему успокоиться и лечь в кровать. И пациент, если в его сознании ещё оставалась хоть искра здравомыслия или трезвости, взглянув на Стивена, заслоняющего своей фигурой свет всех ламп, тут же ложился на кровать, не переставая возмущаться. А для тех, у которых эта искра здраво-трезвомыслия уже погасла и вид гиганта Стивена не производил должного эффекта, вызывали госпитальную полицию.

Из этой зоны пациенты отправлялись в разных направлениях: одни — в «гнездо кукушки» — в психбольницу, других — в цепях и наручниках, полиция увозила обратно в полицейские участки или тюрьмы, третьих транспортировали в отделение детоксификации. А были и такие, кто, отлежавшись в отделении и получив лекарства, приходил в норму и уходил домой. В мою задачу входило выполнять обязанности так называемого координатора-диспетчера: вместе с врачами я решал, куда отправить «жёлтый халат».

Одно из суеверий всех работников «скорой помощи» — ни в коем случае не произносить вслух: «Сейчас здесь

спокойно». Даже если в отделении большая часть кроватей пуста и так тихо, что пролети муха — будет слышно её жужжание, ни в коем случае нельзя произносить фразу: «Сейчас здесь спокойно». По незнанию я пару раз нарушил этот святой запрет, брякнув: «Сейчас здесь спокойно». И на меня сразу же зашикали коллеги: «Замолчи! Зачем ты говоришь ЭТО?!» Потому что, как на мирный посёлок неожиданно налетает ураган и за несколько минут меняет его до неузнаваемости, так и в «скорой»: только что всё здесь было тихо-спокойно и почти пусто, как вдруг — все кровати заняты, чистые белые простыни заляпаны кровью и грязью, воздух отравлен запахами рвоты и мочи, полиция с санитарями умирят одного психозного пациента в «жёлтом халате», а другому врач впрыскивает лекарство, чтобы спасти его от передозировки.

* * *

Такова вкратце была обстановка на моём новом рабочем месте. Пациенты в «жёлтых халатах» мне были понятны, с такими я имел дело прежде. Но стресс в «скорой» госпиталя был несопоставим с нагрузками в маленькой амбулаторной клинике, где я работал до недавнего времени. Первое время я плохо спал, ел как попало, потерял в весе.

Но странное дело — при всём при том мне это место с каждым днём нравилось всё больше. В конце смены я плёлся в офис, чтобы выпить там кофе, сделать несколько последних телефонных звонков и заполнить некоторые бумаги. Я шёл по длинному ярко освещённому коридору, кивая идущим навстречу врачам, медсёстрам и полицейским. И вспоминал, как познакомился с доктором Харрисом на берегу солт-марша, когда поймал судьбоносную акулу. И в мои ноздри неожиданно проникали запахи морской соли, песка и водорослей.

Мой отец

После работы я иногда ездил к своему отцу, он снимал квартиру в благополучном районе Бруклина — Бэй-Ридж. Отец недавно перенёс третью — одну за другой — операцию на сердце и нуждался в уходе.

До недавнего времени мы мало с ним виделись и мало общались даже по телефону — с тех пор, как он развёлся с мамой и, оставив нас, ушёл к другой женщине. В то время, когда отец нас бросил, мне было пятнадцать лет. Тогда я был рад его уходу, так как наконец закончились семейные скандалы, бесконечная ругань родителей, чему виной был вздорный, эгоистический характер моего папаши и его пьянство.

Я никогда не чувствовал к нему душевной привязанности, мы с ним были слишком разными людьми — разными по темпераменту, по взглядам на жизнь. Но, конечно, для меня — тогда ещё ребёнка — он олицетворял отцовскую силу и власть: я его боялся и плохо его понимал. Когда он был пьяным, случалось, он меня бил, а я прятался от него в кладовке и сидел там подолгу, боясь выйти, чтобы не попасть ему под горячую руку. Когда я стал постарше, я всегда спешил до его прихода с работы кое-как сделать уроки и убегал в парк, где со сверстниками играл в баскетбол, сидел там с ними допоздна на скамейках или на качелях на детской площадке, где мы втихаря пили пиво и курили траву.

По своей наивности, я всегда ожидал от него проявления доброты и признания. Что бы он ни делал, как бы меня ни оскорблял, я всё равно отчаянно ждал от него проявления его любви ко мне. Да, изредка он проявлял ко мне некоторую душевность — но тоже, только будучи пьяным, — мог меня обнять и прижать к себе: как сейчас помню прикосновение его колючей небритой щеки к моему лицу. Этот прилив нежности обычно сопровождался его пьяным лепетом о том, что я ношу имя его отца, когда-то во время войны совершившего побег из нацистского концлагеря Аушвиц. «Ты, Бен, всегда должен помнить о том, что в нашем роду все мужчины — герои». Он прижимал меня к себе, и я невольно кривился от исходившего от него перегара после водки. Я весь внутренне напрягался, ожидая, когда же он меня выпустит из своих лап.

Когда он сошёлся с другой женщиной и ушёл к ней, оставив нас с мамой, я облегчённо вздохнул. После этого мы редко с ним виделись, мало общались, порой я и вовсе забывал о его существовании, не видя и не слыша его годами.

Как ни странно, у него неожиданно возникли хорошие, даже тёплые отношения с моей бывшей женой Сарой, когда мы с ней ещё жили вместе. Иногда он к нам приходил в гости, проявляя дедовский интерес к Мишель — своей внучке. Но мы с женой развелись, потом она уехала с дочерью в Бостон, и общение моего отца с ними прервалось.

Потом случилось так, что женщина, с которой он жил, стала сильно болеть, буквально разваливалась на глазах, нужно было что-то решать. Её взрослая дочка забрала мать к себе, в Филадельфию. А отец остался жить в их квартире в Бруклине.

Тем временем я менял работы, пил, иногда пил много и часто, похоронил маму. И вот недавно отец неожиданно снова возник в моей жизни, словно призрак, являющийся накануне каких-то роковых событий.

* * *

— Добрый вечер. Можно войти?

— Да, пожалуйста.

Передо мной в дверях стояла чернокожая женщина лет тридцати двух, среднего роста, стройная, в серых спортивных штанах и чёрной футболке. Мне сразу бросилась в глаза её пышная высокая грудь. И её тёмные, большие, глубокие глаза.

— Меня зовут Эми. А вы, наверное, Бен, сын Марка, да?

— Да. А вы?

— Его домработница. Его лечащий врач запросил домработницу для него после его операций на сердце, и этот запрос был одобрен. Ближайшие месяцы я буду у него работать пять дней в неделю по пять часов в день, — сказала она, когда мы шли по коридору в гостиную.

— Привет, дэд. Как дела?

Отец сидел в кресле, выдвижная подставка для ног была поднята так, чтобы его ноги были подняты. Он смотрел по телевизору бейсбол.

— Привет, Бен. Я всё ещё жив, как ты успел заметить, — он улыбнулся, скривив губы на левую сторону.

Я никогда не любил эту его улыбку «на сторону», она мне напоминала не улыбку, а оскал какого-то хищного зверя.

Я опустился на диван, на котором уже сидела Эми, его новая домработница, рассматривая что-то в своём мобильнике. Не знаю, быть может, я сел возле неё слишком близко, и стоило мне откинуться на спинку дивана и положить

свою правую ладонь на шершавую рельефную ткань возле своего бедра, как женщина почему-то тут же поднялась, будто бы я представлял для неё опасность.

— Хотите кофе? Чай? — спросила она, отойдя от меня на пару шагов.

— Нет, спасибо.

— А вам, Марк, дать что-либо поесть или выпить?

— Нет, пока не надо.

— Окей.

Женщина прошла в кухню, отделённую от гостиной перегородкой с вырезанным внутри большим проёмом, и стала мыть посуду. С места, где я сидел, я видел в квадратном проёме только её спину в чёрной футболке с коротким рукавом.

Я захотел её трахнуть. «Да, здесь и сейчас. Отец пусть сидит в кресле и смотрит свой дурацкий бейсбол. А я с ней уединюсь в спальне, там, кстати, дверная ручка с замком. Как хорошо, что ему дали эту домработницу. Она тоже будет не против заняться со мной любовью, это же очевидно». Эти странные, дикие мысли будто бы возникли сами собой, помимо моей воли, и пронеслись в моей голове вихрем. Я потёр пальцами свой наморщенный лоб. «Да, сейчас мы с ней удалимся в спальню и займёмся любовью».

В этот момент женщина оглянулась, будто бы подслушала мой внутренний монолог. Она широко улыбнулась, и её большие глаза дико и восторженно вспыхнули. Я повёл глазами и кивнул в направлении спальни. Она показала мне средний палец с красным накрашенным ногтем и, хохотнув, отвернулась. Я хмыкнул в ответ: мне тоже стало смешно от этого нашего содержательного немого диалога.

Затем я повернулся к своему отцу.

— Как дела, дэд? Похоже, ты сегодня получше.

Я взглянул на него — на этот раз профессиональным взглядом медика, работавшего в отделении «скорой». За короткое время работы в «скорой» я, незаметно для себя, успел выработать профессиональный взгляд: это когда ты выслушиваешь пациента, но твоё внимание сосредоточено не только на его словах, но и на том, бледное ли у него лицо, насколько расширены его зрачки, на его дыхании, словом, на симптомах, — чтобы определить, «критический» он или нет. Сейчас, согласно моей оценке, сидевший в кресле отец, ещё несколько бледный и осунувшийся после недавней последней операции, всё же не был «критическим».

— Тебе только так кажется, что мне лучше. На самом же деле мне по-прежнему нехорошо, — буркнул он с укором в голосе. — Сегодня у меня целый день высокое давление и болит голова с утра, — он тяжело вздохнул. — В общем, дела неважные.

Я нахмурился. Мне стало его жалко.

— Я позвонил доктору Шапиро, он посоветовал принять двойную дозу таблеток от давления. Посмотрим. Да, fucking старость, — он приглушил звук в телевизоре. Поднявшись, пошёл в туалет.

БЫВШИЙ КАПИТАН ДОКТОР МЕРСИ

Каждая смена начиналась с утреннего обхода. Команда врачей и социальных работников обходила всё помещение «скорой». Дежурные медсёстры, отвечавшие за определённые участки, представляли пациентов. После короткого совещания мы расходились по своим рабочим местам.

Первым делом я отправлялся в офис администрации отделения. Доктор Харрис решил, что я не только отличный рыбак, но и архиважный сотрудник и должен сидеть вместе с администрацией.

Я делил кабинет с доктором Адамом Мерси. Он был ведущим хирургом, а также занимал должность заместителя директора «скорой». До того, как стать врачом, доктор Мерси служил в армии, в спецподразделении, в чине капитана. Во время одной из военных операций с ним случилось нечто, о чём рассказать он мне не имел права, но, по его признанию, это навсегда изменило его жизнь. После этого случая он ушёл из армии и стал врачом. «Для того, чтобы больше не убивать, а только спасать человеку жизнь».

Тем не менее о своей службе в армии он мог рассказывать бесконечно. Выслушивая его красочные рассказы о боевых операциях, в которых он участвовал, мне порой казалось, что я сейчас не в больнице в Нью-Йорке и раз-

говариваю не с хирургом, а нахожусь на каком-то полигоне в Северной Каролине, где вооружённый до зубов отряд готовится к отправке в чужую страну со специальной секретной миссией.

Первое время я считал, что доктор Мерси любит приукрасить свои былые военные геройства, тем более теперь, в свои пятьдесят пять. Он был полным, имел проблемы со здоровьем и мало походил на бывшего командира спецотряда. Он был гурманом, любил плотно поесть, постоянно шутил. Словом, производил впечатление эпикурейца и добряка. Но после того, как я увидел его во время работы в нескольких критических ситуациях, где требовалось мужество, молниеносная реакция и умение верно и в мгновение ока оценить положение, я пришёл к заключению, что если доктор Мерси и приукрашает свои былые подвиги, то ненамного.

«Кии-иии-аpp!»

Мы встретились с Эми в парке, на Юнион-сквер. Ходили с ней по дорожкам, круг за кругом, над нами шумели кроны старых деревьев. Я видел, что на нас оглядываются мужчины, вернее, не на нас, а на Эми — она была грациозна и пластична, по её словам, когда-то в юности занималась танцами, и это явно не прошло бесследно. Правда, если судить по строгим эстетическим меркам, то в её телосложении имелась незначительная диспропорция: бёдра у неё были узковаты при такой высокой пышной груди и несколько широких плечах.

Она была в коротких джинсах, обнажавших щиколотки, и ярко-красной плотно облегавшей футболке, заправленной в джинсы. Она покрасила свои волосы в каштановый цвет. У неё на ресницах лежала густая тушь, а на веках поблёскивали серебристые крапинки.

Мы говорили с Эми, не умолкая.

— Я родом из Джорджии, моя мама была учительницей, а отец — механиком в автомастерской. В семье я была младшим ребёнком, маленькой принцессой, — рассказывала она о себе. — Моя мама была набожной женщиной, по воскресеньям водила нас в церковь, читала нам, детям, Библию и учила молиться. Мой отец умер от инсульта после очередного срыва — он был наркоманом, курил крэк. После этого мама вышла замуж за другого.

Она продолжала работать в школе до пенсии. Моя дорогая мамочка, она умерла в прошлом году, земля ей пухом, — Эми закатила вверх большие тёмно-карие глаза и, осевив себя крестным знамением, приложила пальцы сперва к губам, а потом к груди слева.

— Моя мама тоже умерла недавно, два года назад. А мой отец, у которого ты сейчас работаешь, тоже когда-то сильно пил. Так что наши с тобой истории чем-то похожи, — заметил я.

— Да, мы с тобой — как брат и сестра, — пошутила Эми, рассмеявшись.

Смеялась она громко, при этом широко раскрывая рот, обнажая свои крупные, не совсем ровные зубы. Пожалуй, неровные зубы были единственным недостатком её лица, с мягкими, гармоничными чертами и разнообразием выражений.

За столь короткое время нашего знакомства Эми представлялась мне загадочной и непонятной: то строгой и набожной, то мудрой и скромной, а то и развратной до невозможности. Но какие бы выражения ни принимало её лицо, какая бы эмоция ни овладевала ею и как бы она ни выражала свои чувства, — всё у неё получалось естественно и прекрасно.

Я впивался глазами в неё, испытывая странное, никогда ранее неведанное чувство, будто был слит с этой женщиной. «Неужели женщина делает нас теми, кем мы должны быть? Откуда у меня это странное чувство, что я знаю её давным-давно?» Причём я был уверен, что и Эми сейчас испытывает то же самое. Мы — два реинкарнированных дикаря из каменного века, спустя тысячи лет очутившиеся в Нью-Йорке и случайно встретившие здесь друг друга.

— Ещё я очень люблю ювелирные украшения, но не дешёвку, а настоящие, чтобы как произведения искусства.

— Постараюсь это запомнить. Зайдём в «Барнс и Нобелз»? У них там в кафе превосходный капучино, — предложил я.

— Окей, только перед этим давай зайдём в «Petco», я там куплю еду для своего Ромео.

— Для кого?

— Ромео — мой кот, мой единственный друг, кого я по-настоящему люблю.

После зоомагазина мы посидели в кафе «Барнс и Нобелз». Потом снова гуляли по парку. Вечерело. Мы проделывали, наверное, десятый круг по опустевшему парку. Нам не хотелось расставаться. Её веки в сумраке сверкали серебристыми крапинками, придавая и Эми, и этому скверу, и этому вечеру мистический оттенок.

* * *

— Ещё! Ещё! Ещё! Глубже! Дай мне свой член, Бен! В рот, в самое горло! Ах! Как вкусно! Я никогда в своей жизни не пробовала такого вкусного члена!

Я крепко сжимал её большие груди, покусывал её крупные соски. Я не представлял себе, что мой член обладает такими бойцовскими качествами, или, может, это её пальцы, губы и язык обладали какой-то магической силой...

В окно светила луна. Мы лежали с ней на кровати, друг возле друга.

— Мой отчим неровно ко мне дышал, — Эми продолжала рассказывать о себе. — Я уверена, он втайне хотел меня трахнуть, но на такое не решался, поэтому в качестве компенсации терроризировал меня как мог. В ответ на это я стала озлобленной и неуправляемой, превратившись из маленькой принцессы в семье в козла отпущения. Закончив школу и получив диплом, я сбежала из дома и пустилась во все тяжкие. Я танцевала в разных стриптиз-

клубах, подделав документы, что мне уже двадцать один год; меняла любовников и много пила. Под алкоголем я всегда чувствовала себя комфортно и в безопасности. Но я не знала меры и в этом состоянии, пьяная, совершала безрассудные поступки, из-за алкоголя у меня начались эпилептические удары, и я поняла, что мне пить нельзя вообще, — она ненадолго умолкала. — Я даже не знаю, Бен, зачем всё это тебе рассказываю. Почему-то хочу, чтобы ты знал обо мне правду. Всю правду обо мне знают немногие, можно даже сказать, никто. Но когда-нибудь обо мне узнают миллионы читателей.

— Каких читателей? — не понял я.

— Я пишу роман.

— Роман?

— Да, я писательница, уникальная писательница, не такая, как все.

— У тебя есть специальное образование?

— Нет. Одно время я хотела пойти в колледж на филологию, но изменила своё решение. Настоящему писателю нужен только талант и ничего больше. Я пишу везде и всегда, когда меня посещает вдохновение. Творчество для меня — спасение.

— О чём же этот роман?

— Я пишу обо всём, что меня волнует. Но самое главное — это роман о любви. О настоящей любви! Я долго об этом думала и пришла к выводу, что во Вселенной нет ничего сильнее любви.

— Хм-м. Интересно. И где же этот роман? Могу ли я его почитать?

— Нет, он ещё не завершён, я всё ещё над ним работаю. Кое-что я храню в черновиках на бумаге, что-то в ноутбуке, а что-то просто в памяти. Мне предстоит всё это сложить в одно целое. Как бы тебе объяснить главное? Дело

в том, что я не понимаю себя, не понимаю, кто я. Иногда мне кажется, что меня вообще не существует на земле. Я хорошо умею притворяться, играть разные роли, приспособливаться к окружающей среде. Но глубоко в душе я отлично знаю, что всё это притворство. Я чувствую себя по-настоящему собой только тогда, когда на меня находит вдохновение и я пишу. Но вдохновение, увы, приходит не так часто, как хотелось бы, зато жить в реальной жизни приходится каждую минуту.

Она снова умолкла, и мы лежали молча, слушали, как за окном шелестят листья и порой, нарушив тишину, проезжает по дороге машина.

Неожиданно она повернулась ко мне:

— А скажи правду, Бен, тебе же наверняка приятно знать, что ты трахнул меня. Я знаю, что вы все, белые мужчины, хотите хоть раз трахнуть чёрную женщину, для экзотики. А потом рассказываете друг другу небылицы, как это было, как чёрная сука кричала во время траха на весь район, и что во время оргазма она едва ли не прыгала до потолка. Разве это не так? Да. Это так! Я и есть та самая чёрная сука! Иди ко мне, мой сладенький...

* * *

Утром, с ранним щебетом птиц за окном, мы проснулись и, не трата лишнего времени на утренний моцион, вышли из квартиры. Я повёл Эми на ещё безлюдный солт-марш. Эми была в джинсах, я дал ей свою футболку. Она была без лифчика.

Там было совершенно безветренно. Мы вошли в рощицу, где на полянке несколько диких котов поедали из пластиковых мисок снедь, которую им регулярно приносят местные жители. Мы пошли по вьющейся широкой тропе, бегущей между кустов и деревьев вдоль залива.

— Неужели за все эти годы ты так и не освоила и не приобрела никакую нормальную специальность? — спросил я. — Я понимаю, писать роман — это интересно, но это же не работа. А домработница — извини, не специальность для такой умной женщины, как ты.

Она смутилась, будто бы я застал её врасплах этим вопросом.

— У меня есть то, что ты называешь нормальной специальностью. Да... Я... медсестра. Медсестра, — повторила она, понизив голос, будто бы желая, чтобы никто больше, кроме меня, этого не узнал. — Но сейчас я не хочу об этом говорить. Это очень неприятная для меня тёмная история. Я расскажу тебе об этом как-нибудь в другой раз. Смотри, енот!

Мы остановились возле густого куста, у которого мохнатый остроносый енот ел орехи. Зверёк был настолько занят поеданием орехов, что не обращал на нас никакого внимания.

Вдали, у самой воды, высился врытый в землю деревянный столб, увенчанный большим соколиным гнездом. К тому гнезду было очень сложно подступиться, повсюду росли колючие кусты, вся местность там была изрыта глубокими оврагами с грязной водой, остававшейся после постоянных океанских отливов. В начале лета там из яиц вылупились два соколёнка, недавно они стали покидать гнездо, вылетая под присмотром родителей.

Наблюдатель за птицами — мужчина средних лет, грудь которого была обвешана биноклями и подзорными трубами, — стоял на тропе, следя за соколами в гнезде.

— Можно посмотреть? — обратилась Эми к мужчине, причём до того непосредственно, словно к давнему приятелю.

Не меня задумчивого выражения лица, мужчина снял со своей груди массивный бинокль и передал его Эми.

— Два родителя-сокола и два малыша-соколёнка, — промолвила она. — Эй, сёстры! Я здесь!

Похоже, одна из птиц услышала её призыв. Она вылетела из гнезда, взмыла ввысь и, закричав «кии-иии-арр!», понеслась по направлению к нам. Сделав над нами несколько кругов, вернулась в гнездо.

Эми медленно опустила бинокль. Она стояла, словно окаменев, широко раскрыв глаза.

— Ты в порядке? — спросил я, слегка встревожившись.

Но Эми молчала, оставаясь неподвижной. Потом повернула лицо ко мне, на её лице было выражение удивления и необъяснимого испуга.

— В меня сейчас вселилась душа птицы. Я стала птицей, свободным соколом!

Я молча кивнул, не смея ей возразить. Я понял, что она сейчас не шутит и верит в то, что говорит.

Это показалось невероятным, но, словно в подтверждение её слов, перед нами сверху медленно опустилось и легло на землю перо серо-коричневой окраски.

— Видишь?! Видишь?! О, мой бог! — Эми подняла соколиное перо и, поднеся поближе к лицу, внимательно рассмотрела его.

Мы продолжили наш путь. Вскоре очутились на берегу. Песок здесь был в мелких камешках и ракушках. Зато вода была прозрачной, как хрусталь, до того чистой, что можно было различить даже глаза мальков, плававших возле пучков травы.

— Я хочу купаться, — сказала она.

— Я никогда не видел, чтобы здесь купались, — заметил я, что было правдой.

— Что ж, я буду первой.

Больше не говоря ни слова, лёгким движением сняла с себя футболку, сбросила кроссовки, и расстегнув молнию, стянула джинсы.

— Держи.

Отдав мне свою одежду, улыбнулась — она явно перехватила мой взгляд, скользнувший по её прекрасному голому телу и её белым трусикам, которые тоже на моих глазах сползли с её бёдер и очутились в моих руках.

Я смотрел, как Эми пошла вдоль кромки воды, и её чёрные ягодичцы слегка подрагивали.

В те минуты, стоя на берегу и глядя на неё, я понял, что абсолютно ничего не знаю о ней. Нынешняя домработница, бывшая стриптизёрша, писательница. Ещё и медсестра с тёмной историей. Как же всё это объединить в одно целое? Кто же она в действительности, эта загадочная женщина?

Тем временем Эми остановилась. Повернулась лицом к воде. Недолго постояв, подняла руки к небу, замахала ими, как крыльями, и неожиданно громко закричала: «Кии-ии-арр!»

Среди когорты славных писательских имён, живущих за границей, появилось новое имя — Пётр Немировский. Журналист из Киева, автор нескольких книг, стал американским писателем, сочинителем глубокой психологической прозы с увлекательными, захватывающими сюжетами. В своих произведениях автор мастерски соединяет, казалось бы, несоединимые жанры: реализм и мистику, документализм и любовную драму. Пётр Немировский — автор бестселлеров «Нью-йоркский бомж», «Джен» и «Украинская зима».

«Душа птицы» — повесть о безумной любви, вспыхнувшей в сердцах белого мужчины и чёрной женщины. Любовная история разворачивается во время пандемии ковида, что придаёт ей особую трагичность. Описанные события во многом основаны на реальном опыте автора, работавшего во время пандемии в отделении «скорой помощи» одного из нью-йоркских госпиталей.

ISBN 978-1-960533-24-1

